

ПЯТЫЙ ТОМ
 “ИНВЕНТАРЯ ЮЖНОАРАВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ”

SERGUEI FRANTSOUSOFF. Raybūn. Hadrān, temple de la déesse ‘Athar^{um}/‘Astar^{um}. Avec une contribution archéologique d’Alexandre Sedov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié avec les soins de Christian Robin. Tome 5 (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente. Académie des Sciences de Russie, Institut d’Études Orientales, Expédition Pluridisciplinaire Soviëto-Yéménite). Paris–Rome, 2001. 318 p., 374 pl.

В 1987 г. на Десятой авторско-читательской конференции «Вестника древней истории» выдающийся отечественный арабист А.Г. Лундин говорил в своем выступлении о «широких перспективах, открываемых работами Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в “наименее исследованном” государстве – Хадрамауте»¹. Речь шла прежде всего о прогрессе сабеистики, резком росте числа эпиграфических документов и вкладе отечественных историков и филологов в изучение этого региона. В 1993 г. СОЙКЭ трансформировалась в Российскую комплексную экспедицию, продолжающую раскопки и разведки в Республике Йемен, а спустя несколько лет настало и время подведения некоторых итогов. «Широкие перспективы», о которых говорил А.Г. Лундин, воплотились в настоящее время в публикации первых двух томов трудов экспедиции², а также в рецензируемое издание, вышедшее в серии «Инвентаря южноаравийских надписей», инициированной крупнейшим французским сабеистом Кр. Робеном. Особенностью этой серии является публикация надписей по отдельным памятникам³. В очередном, пятом, томе представлены надписи из храма Хадран, храма богини ‘Астарум, раскопанном СОЙКЭ на городище Райбун I. Том состоит из двух частей: публикации текстов и иллюстраций (преимущественно фотографий) найденных надписей. Подготовлен он С.А. Французовым, учеником А.Г. Лундина, и посвящен памяти Г.М. Бауэра и А.Г. Лундина.

Райбун – один из крупнейших древних земледельческих оазисов Внутреннего Хадрамаута – представляет собой систему древних поселений, отдельно стоящих памятников и сооружений, расположенных в низовьях вади Да’уан, одного из западных притоков вади Хадрамаут. Здесь обнаружено более полутора десятков памятников, объединенных под общим названием Райбун. Поселения Райбуна окружены остатками древних полей с хорошо развитой ирригационной системой. Вблизи поселений и на склонах гор расположено несколько некрополей и отдельно стоящих храмов и святилищ. Центральное поселение оазиса, городище Райбун I (170 × 450 м) включает более 30 строительных комплексов и два колодца⁴. Храм Хадран, обозначенный как Здание I на городище Райбун I, был раскопан СОЙКЭ в 1983 г. под руководством Г.А. Кошеленко⁵. При раскопках было обнаружено более 500 надписей, составивших основу рецензируемого выпуска «Инвентаря».

¹ Лундин А.Г. Древнеарабская культура (50 лет изучения) // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. Тез. докл. М., 1987. С. 17.

² Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования // Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I. М., 1995; Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.) // Там же. Т. II. М., 1996.

³ Robin Chr. Inabba’, Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Harāshif. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // IDIS. T. 1. Paris-Rome, 1992; Gnoli G. Shaqab al-Manassa // IDIS. T. 2. Parigi-Roma, 1993; Bron F. Ma’in. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // IDIS. T. 3. Paris-Rome, 1998; Avanzini A. As-Sawdā’ // IDIS. T. 4. Parigi-Roma, 1995. См., кроме того, Arbach M. Les noms propres du Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pt IV. Inscriptiones Himyariticas et sabæas continens // IDIS. T. 7. Paris-Rome, 2002.

⁴ Результаты работ СОЙКЭ в Райбуне представлены в ряде статей, опубликованных в первых двух томах трудов экспедиции (см. прим. 2).

⁵ Кошеленко Г.А., Кропоткин А.А. Исследование храма ‘Астарам Зат Хадран на городище Райбун I // Городище Райбун... С. 35.

Начало формирования корпуса надписей из Райбуна связано с именем Теодора Бента, посетившего этот оазис в 1890 г. и скопировавшего там несколько фрагментов. К началу работ СОЙКЭ было известно приблизительно 35–40 (?) райбунских текстов, из которых опубликовано было лишь 30. Только за первые два сезона работ на Райбуне, а также в ходе разведок на близлежащих памятниках было обнаружено 1015 фрагментов и целых надписей и ок. 50 граффити⁶. В целом же в ходе девяти сезонов полевых работ на памятниках оазиса (1983–1991 гг.) найдено более 2700 текстов на хадрамаутском языке. Полевая фиксация надписей в 1983–1984 гг. велась Г.М. Бауэром и М.Б. Пиотровским, позднее к этой работе подключился А.Г. Лундин.

Первый том рассматриваемого выпуска «Инventаря южноаравийских надписей» открывается Введением (с. 7–17), состоящим из трех параграфов, в первом из которых дается история открытия оазиса Райбун. Как отмечает автор, ссылки на Райбун в арабской исламской литературе крайне незначительны. Знакомство с древними руинами оазиса начинается с путешествия Адольфа фон Вреде, отчет о котором был опубликован в 1870 г. Дальнейшая история изучения Райбуна связана с именами таких путешественников и ученых, как Л. Хирш, Т. и М. Бент, М.Дж. Боскавен, Д. Ван дер Мейлен и Х. фон Виссманн, Г. Инграмс, Ф. Старк, Г. Катон-Томпсон, С.А. Хузайин, А.Ф.Л. Бистон, Г. Ланкастер Хардинг, и участников экспедиций во главе с Г. ван Биком и Ж.-Ф. Бретеном. Во втором параграфе (с. 12–15) представлена история создания СОЙКЭ, связанная в основном с именами П.А. Грязневича, первого начальника экспедиции, и Б.Б. Пиотровского, ее научного руководителя. Именно Б.Б. Пиотровский вместе с Р.М. Мунчаевым остановили свой выбор на Райбуне как объекте раскопок во время поездки в Южный Йемен перед подписанием соглашения о научном сотрудничестве. 27 августа 1982 г. Совет министров СССР принял решение о создании СОЙКЭ. Этот день можно считать днем рождения СОЙКЭ, хотя полевые исследовательские работы начались в феврале 1983 г. Третий параграф Введения (с. 15–17) посвящен принципам публикации эпиграфических материалов СОЙКЭ. Данный выпуск «Инventаря», как указывает автор, должен открыть серию подобных публикаций. По мнению С.А. Французова, должно понадобится не менее пяти выпусков, чтобы ввести в научный оборот весь корпус райбунских надписей. Первые четыре выпуска должны быть посвящены эпиграфическим документам из храмов, а заключительный мог бы включить в себя прочие тексты из Райбуна и других городищ, исследованных СОЙКЭ. В данный выпуск «Инventаря» вошли 458 текстов, которые содержат хотя бы один читаемый знак.

Глава I тома «Храм 'Астарум Зат Хадран: археологическое описание» (с. 20–29), написанная нынешним начальником Российской комплексной экспедиции Института востоковедения РАН в Республике Йемен А.В. Седовым, предоставляет суммарные сведения по археологии городища Райбун I и храма Хадран. Более подробно российский читатель может ознакомиться с результатами изучения этого храма в упомянутой выше статье Г.А. Кошеленко и А.В. Кропоткина (с. 35–53). Для изучения эпиграфического корпуса из храма 'Астарум Зат Хадран важное значение имеет археологическая датировка храма. По мнению А.В. Седова, археологические материалы свидетельствуют о том, что храм Хадран существовал с начала IV до конца I в. до н.э., однако не исключено, что на его месте располагалось более раннее святилище, возможно, этой же богини (с. 29).

Глава II «Датировка надписей (новый подход к палеографии райбунских текстов и их относительная хронология)» (с. 32–48), как и следует из ее названия, посвящена палеографическому анализу текстов и определению их относительной хронологии. Принимая во внимание тот факт, что палеографические и хронологические схемы, выработанные Ж. Пиренн⁷ и Х. фон Виссманном⁸, не смогли доказать свое право на существование, С.А. Французов справедливо определяет, что установление «новой южноаравийской хронологии является приоритетной задачей всех заинтересованных исследователей». На ее решение и может быть ориентировано такое издание, как «Инventарь южноаравийских надписей», в котором, памятник за памятником, будут изданы все тексты, как уже известные, так и еще неопубликованные. Это «позволит из-

⁶ Бауэр Г.М. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор) // Хадрамаут... С. 112–113.

⁷ Pirenne J. Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution a la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du Sud antique. T. I. Des origines jusqu'à l'époque himyarite (Verhandel. van de Koninklijke Vlaamse Acad. voor wetenschappen, letteren en schonē kunsten van België. Kl. der letteren. Verhandel. № 26). Brussel, 1956.

⁸ Wissmann H. von. Die Geschichte von Saba'. II. Das Großreich der Sabäer bis zu seinem Ende im frühen 4. Th. vor. Chr./Hrsg. von W.W. Müller. Wien, 1982. Ссылка на эту работу в библиографическом списке рецензируемого тома «Инventаря» не приведена.

бежать спекуляций без прочного основания, глобальных выводов, всякой системы, которая обнимала бы весь спектр письменных свидетельств из древнего Йемена. Наоборот, нужно ограничиться каким-либо одним городищем или даже одним археологическим памятником... и мало-помалу переходить к тщательно выверенным обобщениям» (с. 34). Этим определяются задачи, которые поставил перед собой С.А. Французов, этим определяется и исследовательский метод, им избранный. Автором предложено 16 критериев, по которым описаны издаваемые надписи.

Тщательный количественный анализ всех издаваемых текстов позволил С.А. Французову прийти к выводу, несколько изменяющему представлению о палеографии райбунских надписей, выработанные Г.М. Бауэром: вместо четырех этапов уместнее говорить о двух («древний» и «новый») периодах, притом что первый – «древний» период – подразделяется на три фазы (с. 37). Эти периоды и составляют этапы относительной хронологии надписей. Абсолютная датировка райбунских надписей обоснована, по мнению автора, датировкой археологической. Так, согласно С.А. Французову, радиоуглеродная датировка выделенных археологами строительных периодов храма Хадран позволяет определить верхнюю палеографическую границу надписей «нового» периода: III в. до н.э. (с. 37–38). Самые же древние монументальные надписи Райбуна восходят к VIII или началу VII в. до н.э. То обстоятельство, что под руинами храма богини 'Астарум находилось, предположительно, другое, более раннее святилище, в определенной степени усложняет палеографическую датировку райбунских надписей. Особенно это касается надписей «древнего» периода. Возможно, что «раннее святилище» существовало в течение первой фазы «древнего» периода (лингвистические критерии позволяют отнести к этой фазе 90 надписей) и в ходе второй было разрушено (с. 38). Анализ всех имеющихся данных, основанный на предварительных работах Г.М. Бауэра, привел С.А. Французова к выводу, важному для изучения не только райбунских надписей: форма того или иного знака могла значительно варьироваться не только в ходе одной фазы, но и в одной и той же надписи (с. 43), а ведь именно на вариации тех или иных знаков были построены многие соображения Ж. Пирени относительно южноаравийской палеографии и хронологии.

Глава III посвящена анализу языка и формуляра публикуемых надписей. Несмотря на то что надписи из храма Хадран «в основной массе очень лаконичны, фрагментарны и не содержат лингвистических данных, достойных упоминания... наши знания о хадрамаутской эпиграфике столь ограничены, что тщательный анализ этих текстов поможет внести вклад в реконструкцию его грамматической системы» (с. 50). Формуляр публикуемых надписей подразделяется на четыре основных типа и следует четкому стандарту.

Предложенное С.А. Французовым деление райбунских надписей на периоды и этапы на основе лингвистических и археологических данных подтверждается и анализом ономастики, которому посвящена IV глава данного выпуска «Инвентаря» (с. 56–61). Интересно, что из 27 имен, встречающихся в надписях первой фазы «древнего» периода, пять засвидетельствованы впервые в северо- и южноаравийской ономастике, три (или шесть: точное число зависит от принятия той или иной реконструкции) имени впервые засвидетельствованы в Райбуне в составе надписей второй фазы «древнего» периода. Ономастика «нового периода» характеризуется наличием значительного числа имен, зарегистрированных только в Райбуне. Отмечая наличие матронимов в райбунской эпиграфике (Rb I/89 éd 4, niv. I n. 279 etc. = EPSY 1850 + 1866, II. 1–2), С.А. Французов, ссылаясь на «важную роль женщин в социальной и религиозной жизни Райбуна», предполагает наличие матрилинейного счета родства (с. 56). Мне кажется, что вряд ли эта ссылка, предполагающая приниженное положение мужчины в хадрамаутском обществе, может служить основанием для таких глобальных заключений. Лучше было бы воздержаться от таких выводов или обосновывать их на конкретном документальном материале.

По заключению А.М. Коротаева, «лишь надпись Fa 76 является однозначным свидетельством существования матрилинейных родов в доисламской Аравии. Во всех остальных соответствующих надписях матрилинейная структура... могла бы рассматриваться лишь как одна из возможных интерпретаций (хотя иногда и в качестве наиболее вероятных)... Данные надписи Fa 76 сами по себе достаточны для того, чтобы допустить со значительной долей вероятности, что в III в. н.э. некоторые определено матрилинейные группы существовали в Южной Аравии»⁹. Нельзя не учитывать того, что надпись Fa 76 происходит из Саба', т.е. из весьма отдаленного от Внутреннего Хадрамаута региона, и восходит к III в. н.э., т.е. к тому времени, когда жизнь на Райбуне уже три столетия как прекратилась.

⁹ Korotayev A. Were there any Truly Matrilineal Lineages in the Arabian Peninsula? // PSAS. 1995. 25. P. 92.

Глава V посвящена реконструкции роли богини 'Астарум, владычицы храма Хадран, и ее культа (с. 64–68). Само открытие такого персонажа хадрамаутского пантеона является одним из важнейших результатов усилий российских археологов и филологов. К сожалению, фрагментарный и лапидарный характер надписей не позволяет в точности определить функции богини, как и существо ее культа (с. 64). Впрочем, эта проблема относится не только к 'Астарум. Тем не менее, это единственное южноаравийское божество, чьи «родственные связи» устанавливаются с достаточной степенью надежности (с. 67). Гипотеза о ее связи с планетой Венера, видимо, должна быть отвергнута как необоснованная (с. 68).

Возвращаясь к тезису о «возвышенном положении женщины в райбунском обществе», С.А. Французов, как кажется, снова уходит в область мало обоснованных предположений о финансовой независимости женщины. Основанием для такого вывода служит, по его мнению, тот факт, что 44.1% надписей – посвящений 'Астарум – были оставлены женщинами, а стоимость установки монументальной надписи в древесной Южной Аравии, считает автор, была чрезвычайно велика. Для подкрепления этого тезиса дается ссылка на то, что среди посвященных надписей в крупнейшем сабейском храме Авзам только 5.3% были оставлены женщинами, что должно отражать не только разницу в культах хадрамаутского и сабейского божеств 'Астарум и Алмаках, но и влияние различных общественных структур в Саба' и Внутреннем Хадрамауте на рубеже нашей эры (с. 65–66).

Думается, что вывод о финансовой самостоятельности женщин, посвящавших надписи богине 'Астарум, даже если принять характеристику хадрамаутского общества как предгосударственного, в котором важнейшую роль играли жрицы¹⁰, чрезмерно поспешен. Помимо того, что ему нет никаких прямых (да и косвенных) доказательств, он совершенно исключает ситуацию, при которой установка надписи могла быть оплачена мужчиной. Сравнение с культом Алмаха вряд ли уместно, тем более что вне Райбуна следов культа 'Астарум обнаружить не удастся. Следует, видимо, признать этот вывод поспешным. Такие заключения, как и в случае с матрилинейным счетом родства, не могут быть локальными, свойственными одному лишь оазису. Для подтверждения их основательности нужно привлекать более широкий материал, покрывающий по меньшей мере весь Хадрамаут. Следуя методу, обозначенному самим С.А. Французовым, на имеющемся материале источников сейчас следует воздержаться от глобальных обобщений по структуре хадрамаутского общества в целом и по культовой практике в храме богини 'Астарум в частности.

В главе VI представлена публикация самих надписей, распределенных по шести секциям: 1.1) «древний» период, фаза 1 (сабейское влияние); 1.2) «древний» период, фаза 2; 1.3) «древний» период, фаза 3; 2) «новый» период; 3) надписи «древнего» периода, классификация которых по фазам не представляется возможной; 4) надписи, палеографическая датировка которых не представляется возможной; 5) прочие надписанные предметы; 6) прочие надписи, определенно происходящие из храма Хадран. Надписи обработаны по одному формуляру: номер со ссылкой на иллюстрацию; обозначения археологическое и эпиграфическое; музейный номер; происхождение; описание; размеры; стиль письма; копия и транскрипция, перевод и комментарий. Завершает том библиографический список и список цитированных надписей. Второй том данного выпуска «Инвентаря» содержит карты, археологические планы городища, реконструкции здания храма богини 'Астарум, график распределения надписей по палеографическим периодам, фотографии публикуемых текстов.

С одной стороны, изучение древнеюжноаравийского языка – стремительно развивающаяся дисциплина, словарный запас, естественно, известен далеко не полностью, что подтверждает постоянный приток новых надписей, содержащих новые, ранее неизвестные термины. С другой стороны, фрагментарное состояние многих надписей, в том числе и происходящих из Райбуна, неизвестное место происхождения и иные обстоятельства не позволяют однозначно установить значение тех или иных понятий. В связи с этим следующие ниже замечания, не претендуя на абсолютную истинность, как я надеюсь, могут все же послужить некоторым вкладом в более точное понимание надписей с городища Райбун.

С. 70 (Raybūn-Ḥaḍra'n 1/2). На фотографии (pl. 1) читаются лишь первые три знака второй строки и словоразделитель. Притяжательное местоимение, следующее после qny, реконструируется полностью: [-hw].

¹⁰ Сам автор гипотезы, однако, признает, что нет никакой информации о служителях культа 'Астарум.

С. 73 (Raybūn-Ḥaḍrān 6). Надпись состоит из двух слов: ḥmt-h. В качестве перевода предлагается два варианта: «...son sanctuaire (ou son impureté rituelle)» со ссылкой на «Сабейский словарь»¹¹. Предложенная трактовка, безусловно, возможна, хотя и не является единственной.

Термин ḥmt встречается в посвячительных надписях Gl 1677. Fa 34/1, СИН 366; СИН 439/2, СИН 869, RES 2653 (ḥr[mt]). Под ḥmt в этих надписях подразумевается как некое благоволие, приносимое в жертву¹², так и место (асс. loci), в котором жертва приносилась¹³. Предполагается даже, что греческое ἄρωμα, чья этимология не прояснена¹⁴, восходит к названию др.-южноар. благоволий, т.е. ḥmt¹⁵. Более поздняя трактовка надписи СИН 366 (ywm/h'/ḥmtm/š[lt'd), предложенная В.В. Мюллером¹⁶, подразумевает под ḥmt возведение храма, осуществленное в третий раз. Против этого говорят, однако, данные археологических исследований¹⁷.

Вполне возможно, что название упомянутого в «Перипле Эритрейского моря» отдельного сорта благоволий ἄρωμα, продающегося на восточноафриканском Рынке ароматов (XII. 4. 28), отражает именно др.-южноар. ḥmt. Ср. также акк. armanu (arṃālu, arwānu, armanū, ramānu): «a tree and the aromatic substance obtained from it; an aromatic used in fumigations»¹⁸. С другой стороны, под ḥmt в древнеюжноаравийском, как под ḥmat в gē'ez¹⁹, может иметься в виду само жертвоприношение. Абсолютной определенности в трактовки ḥmt в данных контекстах нет.

С. 106 (Raybūn-Ḥaḍrān 62): Dmr'l/wDr'[k]rb/bnw/Hš[r]m/hqnyw/'ttrm.

В этой надписи (ок. VI в. до н.э.) два подлежащих: Dmr'l/wDr'[k]rb/bnw/Hš[r]m. В предложенном переводе («fils»), следует уточнить, что речь идет о двух сыновьях. Обращаясь к форме hqnyw, С.А. Французов отмечает: «l'emploi du verbe au pluriel pour une action faite par deux personnes suggère, qu'en ḥadramoutique le duel des verbes disparaît avant la 2e moitié du Ier millénaire avant l'ère chrétienne»²⁰.

Окончание перфекта двойственного числа -w- достаточно широко распространено в катанском, причем практически на всем протяжении истории Катабана: в периоды В в целом, В2, С и D, т.е. V–I вв. до н.э., II–I вв. до н.э., конец I в. до н.э. – II в. н.э. и II в. н.э. соответственно²¹. Два наиболее характерных примера для строительных и посвячительных надписей демонстрируют, что в катанских надписях моделью для образования двойственного числа являлась форма f'lw, совпадавшая, но не вытесненная формой множественного числа: br'w (BA/1, CIAS 47.11/b5/2, RES 3964/1, Ry 463 для периода С; H2c/2 для периода D); sqnyw (Atal/1, Non 5/2 для периода В; Ja 852/8, Ja 2473/2 для периода В2; Nefer 1/1–2 для периода С). Несколько надписей (Ja 340/1, RES 3902 n. 147) не могут быть с уверенностью отнесены ни к одной из хронологических групп. Надписи Ry 367/1–2, MuB 554/1–2 и MuB 601/1–2 демонстрируют, что по модели f'lw образовывалось и множественное число перфекта:

¹¹ Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J. Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain-la-Neuve-Beiruth, 1982 (Publication of the University of Sanaa. YAR). P. 70–71.

¹² Лундин А.Г. Надписи Яда'ила Зариха, сына Сумху'алай, мукарриба Саба // ВДИ. 1960. № 3. С. 14, 20; *idem*. Yada' il Darih, fils de Sumuhu'alay, Mukarrib de Saba' (XXV Congrès International des Orientalistes. Conférences présentées par la délégation de l'URSS). Moscou, 1960. P. 6; *Wissmann H. von*. Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien. Wien, 1964 (SAWW. Bd 246. Sammlung Eduard Glaser III). S. 397; Müller W.W. Rez.: Höfner M. Inschriften aus Širwāh, Ḥaulān (T. I). Wien, 1973 (SEG VIII. SAWW. 291/1) // ZDMG. 1977. 127. S. 126.

¹³ Höfner. Op. cit. S. 7.

¹⁴ Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch von Hjalmar Frisk. Bd I: A-Ko. Heidelberg, 1960. S. 159.

¹⁵ Müller. Rez. S. 126; *idem*. Noch einmal ugaritisch ḥmt = altsüdarabisch šlt 'd // UF. 1978. 10. S. 442.

¹⁶ «als er zum dritten Mal ein Heiligtum ausführte». См. Müller W.W. Altsüdarabische Miscellen (I) // Raydān. 1980. 3. P. 63.

¹⁷ Glanzman W.D. An Examination of the Building Campaign of Yada' il Darih bin Sumhu'alay, mukarrib of Saba', in Light of Recent Archaeology // PSAS. 2003. 33. P. 186, 193.

¹⁸ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. A. Pt II. Chicago, 1968. P. 291.

¹⁹ Leslau W. Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic). Ge'ez/English/English-Ge'ez: with an Index of the Semitic Roots. Wiesbaden, 1991. P. 242.

²⁰ Эта же точка зрения высказана С.А. Французовым и в последующей работе: *Frantsou-zoff S.A.* En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥadramoutique épigraphique // Arabia. 2003. 1. P. 45.

²¹ Хронология катанских надписей разработана А. Аванцини: *Avanzini A.* Corpus of South Arabian Inscriptions. I–III. Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions. Pisa, 2004 (Arabia antica. 2). P. 25–33.

«Šrh'lwZyd'lwbnsm/dtw/Zyd'lw'lsrh'/'dmn/sqnyw...»,

«[š'bn'/h]rbn/hwr/hgrn/Z[fr]/sqnyw...»,

«Rt'/wMt'm/wMtn'/Hbrtm/sqnyw...».

В новейшей литературе «не исключается, что форма двойственного числа в катабанском f'ly морфологически соответствует сабейскому f'ly и, таким образом, совпадая с написанием формы множественного числа, обнаруживает иное огласование»²². На то, что формы двойственного числа перфекта не были вытеснены формами множественного числа, а совпадали с ними, могут указать на различия в образовании форм двойственного и множественного числа в имперфекте, следовавшие моделям yf'ln (bqny в надписи Ry 367/9, by'dwn в RES 4337B/3) в двойственном и yf'lyw²³ во множественном числе.

Трудно было бы найти объяснения для вытеснения форм двойственного множественным числом в перфекте при различии этих форм в имперфекте. Можно предположить, что в хадремаутском наблюдается такое же явление, как и в катабанском: совпадение (но не вытеснение одной формы другой) номинальных форм двойственного и множественного числа при различном огласовании.

Для обоснования тезиса о вытеснении форм двойственного числа перфекта формами множественного числа С.А. Французов ссылается на сабейские надписи Ja 662/3–5 и Ja 720²⁴, подтверждающие этот тезис. Для позднесабейских, а также этно-сабейских надписей доаксумского периода характерна и другая особенность: использование глагольных форм перфекта множественного числа при том, что подлежащее стоит в единственном (СН 540/1–6, СН 541/3, возможно, и Ry 509/4), а также форм hf'ln (Ja 708/9) и lf'ln (Ja 702/13)²⁵. Вряд ли на основе этих примеров можно утверждать, что и формы единственного числа были вытеснены множественным, инфинитивом или формами множественного числа имперфекта женского рода. Вытеснение форм двойственного числа перфекта формами множественного числа в позднесабейском, хотя и предполагается²⁶, выглядит достаточно странным еще и потому, что в позднесабейский период, как и раньше, активно используются формы двойственного числа притяжательных и указательных местоимений -hny и -fy²⁷.

Более логичным выглядело бы предположение об изменении в вокализации рассматриваемых глагольных форм. Этот феномен наблюдается при переходе от раннесабейского к среднесабейскому: форма двойственного числа перфекта с нулевым окончанием в раннесабейском, совпадавшая с формой единственного числа f'l, в надписях III в. до н.э. – V в. н.э. превратилась в f'ly. Нулевое окончание в формах двойственного числа в раннесабейском интерпретируется как -ā, в среднесабейском как -i или -ē²⁸. Можно было бы предположить, что при переходе в позднесабейский период снова происходит изменение в вокализации: знак -w в формах двойственного числа становится *mares lectionis* для долгого -ā при сохранении обычного огласования (-ū) во множественном числе.

С. 122–123 (Raybūn-Ḥaḍḥān 92).

Трактовка bhj как «phallus (votif)» восходит к Ж. Рикмансу и М. ал-Гулу. По их мнению, др.-южноар. bhj нужно трактовать, согласно арабскому bḥj («penis») ²⁹ + окончание женского рода -i³⁰. Эту же точку зрения поддержал С.А. Французов и в других своих публикациях³¹. Подобная интерпретация все же не является наиболее убедительной, и она была уже подвергнута критике

²² Stein P. Untersuchungen zur Phonologie und Morphologie des Sabäischen. Rahden (Westf.), 2003 (Epigraphische Forschungen auf der Arabischen Halbinsel. 3). S. 171.

²³ В этом состоит одно из отличий катабанского от сабейского диалекта: Beeston A.F.L. Sabāic Grammar. Manchester, 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph. 6). P. 64.

²⁴ Frantsouzoff. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 46. К этим примерам можно добавить еще и надпись E 71.

²⁵ На эти особенности указал П. Штайн: Stein. Op. cit. S. 168 (Anm. 78), 173.

²⁶ Ibid. P. 171–172.

²⁷ Ibid. P. 172. Anm. 99.

²⁸ Ibid. P. 170.

²⁹ Lane E.W. An Arabic-English Lexicon, derived from the Best and Most Copious Eastern Sources: Comprising a Very Large Collection of Words and Significations Omitted in the *Ḳāmoos*, with Supplements to Its Abridged and Defective Explanations, Ample Grammatical and Critical Comments, and Examples in Prose and Verse. In Two Books. Book 1. Part 1. Cambr., 1984 (1st ed. 1863). P. 273.

³⁰ al-Ghul M. New Qatabani Inscriptions // BSOAS. 1959. 22. P. 2–3; также с сомнением эта точка зрения представлена в «Сабейском словаре»: Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans. Op. cit. P. 33.

³¹ Frantsouzoff S.A. The Inscriptions from the Temples of Dāt Himyam at Raybūn // PSAS. 1995. 25. P. 15–28; *idem*. Le «tailleur de pierre» dans les inscriptions sudarabiques // Raydān. 2001. 7. P. 129; *idem*. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 43, 45.

А. Симой³². Такая критика не была учтена С.А. Французовым. Впрочем, выход обеих публикаций разделял слишком небольшой временной промежуток, так что это обстоятельство вполне объяснимо. К аргументам, представленным А. Симой, можно добавить следующее.

Наличие таких форм как bhḥtu (Raybūn-Ḥaḍrān 92/2) и bhḥtm (Rb i/84 n. 253 a-e/2-3, Rb v/91 n. 38/3) не исключает трактовку -t как корневого согласного, ср., например, название порта Smḥm/Smḥgm. Труднее всего понять, каким образом bhḥt в предложенном значении может быть женского рода, что следует из надписи Ja 672/2: k'ṭy/bḥtnhn.

В посвячительных надписях bhḥt снабжен kl/šr's (JRy. WBrashear 1/3). Если придерживаться использованной С.А. Французовым трактовки bhḥt, трудно представить себе, как должно выглядеть «все его оснащение». Посвящение божеству bhḥt за дарование длительной (54 года!) жреческой деятельности (надпись VL 1) или наличие имени собственного Bḥtn (Ja 865/2-3) также выглядят в таком случае мало объяснимым. bhḥt посвящался иногда в очень значительных количествах. Надпись СИН 423/1 говорит о посвящении 90, а Raybūn-Ḥaḍrān 92/2-3-94 bhḥt. При этом материального подтверждения ни из Саба, ни из Катабана, несмотря на относительно неплохую археологическую изученность основных городских центров, не получено. Единственная находка, которая лишь с некоторой долей натяжки может интерпретироваться как посвященный фаллос³³, выполнена из глины. Вызывает удивление, что ни каменные, ни бронзовые bhḥt, предположительно, фаллосы, многократно упоминаемые в надписях, не сохранились или до сих пор не обнаружены, а глиняные bhḥt не упоминаются, хотя посвящения предметов из глины весьма многочисленны.

Этимология ар. baḥata также вполне соответствует статусу посвящения: «it was, or became, unmixed, free from admixture, or pure, he was unmixed, or pure, in face, lineage, or parentage»³⁴. На это в частности указывают следующие, определяемые параллельные по смыслу фразы: hḡny/... ḡhb/bḥt³⁵ (RES 4189/4) и ṭmny/bḥtm/ḡhb (СИН 423/1-2)³⁶.

Нельзя не обратить внимания и на основное значение корня bāh: «it became apparent, or manifest, he revealed, or disclosed a thing», ср. ibāha: «the showing a thing to the beholder in order that he who will may take it», abāha: «he made a thing allowable, or free, or lawful»³⁷. В соответствии с этими определениями, др.-южноар. bhḥt следует интерпретировать как нечто, сделанное «доступным», «открытым», т.е. посвященным божеству. Во всяком случае, перевод bhḥt «voitive object» в «Корпусе катабанских надписей»³⁸, хотя и менее конкретен, но не вызывает столько возражений.

С. 188 (Raybūn-Ḥaḍrān 213). Трактовка mšnd как «надпись», хотя и возможна, но не всегда является наиболее подходящей. Термином mšnd, как, например, в надписях Гр 64/2, 'Abadan 1/2, 4 и др.³⁹, действительно могла обозначаться надпись. Ср. араб. musnad: «The Himyerec, or himyeric character of writing... differing from the modern Arabic character»⁴⁰. Это значение, определенно, является вторичным: древнеюжноаравийские надписи наносились на посвящения (mšnd), и сами надписи получили в арабской традиции такое наименование. Для повествовательной (а не посвячительной) надписи 'Abadān 1, в частности смысл понятия mšnd, нужно искать в основном значении арабского musnad: «A tradition traced up, or ascribed, or attributed to the author thereof»⁴¹, т.е. рассматривать mšnd прежде всего как повествование о деяниях, изложенное в надписи.

Некоторые контексты указывают на то, что основное значение mšnd нужно искать в другой плоскости, например, mšnd/tyb/w'fz[h]/wḡhb (RES 2771/4). Традиционно этот фрагмент переводится как «надпись из золота, серебра и бронзы»⁴². Однако трудно представить себе надпись, отлигую из трех металлов – золота, серебра и бронзы, тем более что бронза сама по себе явля-

³² Sima A. Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche Untersuchung. Wiesbaden, 2000 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, 46). S. 298-299.

³³ Frantsouzoff. The Inscriptions from the Temples of Ḍat Ḥimyam at Raybūn. Pl. II.

³⁴ Lane. Op. cit. P. 155.

³⁵ Посвятил... из чистой бронзы.

³⁶ Восемь посвящений (мер?) из чистой бронзы.

³⁷ Lane. Op. cit. P. 273.

³⁸ Avanzini. Corpus of South Arabian Inscriptions. I-III. Passim.

³⁹ Ссылки см. Biella J.C. Dictionary of Old South Arabic. Sabaeen Dialect. Harvard, 1982 (Harvard Semitic Studies. 25/Ed. Frank Moore Cross Jr.). P. 507.

⁴⁰ Lane. Op. cit. P. 144.

⁴¹ Ibid.

⁴² al-Ghul M.A. Early Southern Arabian Languages and Classical Arabic Sources. A Critical Examination of Literary and Lexicographical Sources by Comparison with the Inscriptions. Ibrid-Jordan, 1993. P. 135; Bron F. Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 3. Ma'in. Fascicule A: Les documents. Paris-Rome, 1998. P. 46; Sima. Op. cit. S. 285, 318, 337.

ется сплавом. Ни одна надпись такого рода до сих пор не обнаружена где-либо в Южной Аравии. Существительное *mīnd* является производным от *šnd* – «ставить», «помещать» (*set up/place*)⁴³. Для обозначения собственно «надписи» можно было бы ожидать *šr* (*RES 2980bis = M 203/5*), *šhft* – от *šhf* {«писать» (*СИН 314 + 954/8–9*)} или *wf* (*Ja 2484/4*). Трактовка А.Ф.Л. Бистона, рассматривавшего *mīnd* как «offering»⁴⁴, представляется более соответствующей контексту. Вероятно, за этим термином скрывался один из видов посвящений, отличие которого от иных⁴⁵, не вполне ясно.

С. 209 (*Raybūn-Ḥaḡrān 250*). На фотографии (pl. 240) четко видно, что сохранившиеся фрагменты знаков должны читаться как (t)g, а не (m)g: «лучи» верхней части знака χ , сохранившейся на надписи, направлены от центра кверху, а не сверху вниз, как у знака ξ . Соответственно само слово может быть реконструировано как [ʔ](t)g.

С. 211 (*Raybūn-Ḥaḡrān 254*). Надпись представляет собой фрагмент, на котором читается только знак -i. Судя по фотографии, этот знак стоит в конце строки и, вероятно, слова. По аналогии с такой же фрагментарной надписью *Raybūn-Ḥaḡrān 253*, *Raybūn-Ḥaḡrān 254* можно дополнить как [bn]i.

С. 230 (*Raybūn-Ḥaḡrān 298*). Судя по фотографии (pl. 285), второй знак во второй строке должен быть реконструирован как -š (ξ).

Пятый выпуск «Инвентаря южноаравийских надписей» нужно признать несомненной удачей. Удачей не только лично С.А. Французова, взявшего на себя такую сложную задачу, как публикацию райбунских надписей, с первой частью которой он блестяще справился, но всей Российской комплексной экспедиции ИВ РАН, преемницы СОИКЭ. Следует отметить, что данным выпуском завершена первая часть работы, основа которой была заложена Г.М. Бауэром и А.Г. Лундиным, и остается лишь скорбеть, что им не довелось увидеть ее выход в свет. Несомненно, все, кто интересуется историей и филологией древней Южной Аравии, будут с нетерпением ожидать от С.А. Французова следующих четырех уже анонсированных⁴⁶ выпусков корпуса райбунских надписей в рамках данного «Инвентаря».

М.Д. Бухарин

© 2005 г.

НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 1–3. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2002–2004

В 2002 г. кафедра истории древней Греции и Рима и Центр антиковедения Санкт-Петербургского государственного университета приступили к изданию нового сборника статей – альманаха «Мнемон», продолжившего традицию публикаций по античной истории и культуре в Санкт-Петербургском университете. Сейчас, по прошествии трех лет, можно с уверенностью сказать, что задуманное тогда предприятие стало весьма важным моментом в развитии петербургского антиковедения, да и не только петербургского, поскольку в число ученых, регулярно сотрудничающих с альманахом, в настоящее время, помимо петербуржцев, входят антиковеды из Москвы, Новгорода Великого, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Ярославля, Казани, Йошкар-Олы, Сыктывкара, Риги и других городов. Роль инициатора и главного организатора издания по праву принадлежит проф. Э.Д. Фролову, руководителю кафедры истории древней Греции и Рима и Центра антиковедения на историческом факультете СПбГУ. Все технические работы,

⁴³ *Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans*. Op. cit. P. 138.

⁴⁴ *Beeston A.F.L. Notes on Old South Arabian Lexicography III // Le Muséon*. 1951. 64. P. 131–132.

⁴⁵ Известны и другие: *bht* (см. выше), *šmgy*, или *sqny* (*sqny*).

⁴⁶ *Frantsouzzoff S.A. Raybūn et La Mecque (politique et religion en Arabie préislamique). Notes prééliminaires // Arabia*. 2003. 1. P. 64.